

Леванда Лев Осипович

Виленская жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Осипович Л.**
Виленская жизнь / Леванда Лев Осипович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 165 с.

ISBN 978-5-519-92749-9

ISBN 978-5-519-92749-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

88. МУЗ

I.

НѢЧТО О ПРОТИВОРѢЧІЯХЪ И НОВѢЙШИХЪ КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ *).

Мой другъ и собратъ по наукѣ, одинъ кашгарскій философъ, съ которымъ имѣю честь вести ученую переписку, выражается въ своемъ послѣднемъ посланіи, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Что такое міръ и что такое жизнь человѣческая?—Повѣрь мнѣ, что міръ вообще и жизнь человѣческая въ особенности есть ничто иное, какъ ожерелье изъ противорѣчій, которыя потому только не расплзаются врозь, что нить, на которой они нанизаны, еще не порвалась. Какъ только послѣдняя порвется, — а она, по моимъ соображеніямъ, порвется очень скоро,—настанетъ первобытный хаосъ».

Не знаю, какъ вы, но я нахожу, что это изреченіе моего кашгарца столько же остроумно, сколько и справедливо, что могу доказать двумя способами, индуктивнымъ и дедуктивнымъ. Возьму для примѣра хоть самаго себя. Я, изводите видѣть, человѣкъ тихій, до такой степени тихій, что мнѣ, повидимому, самую природою предназначено производить свою умственную гимнастику въ присутствіи только моихъ

*) Эта и всѣ послѣдующія статьи были помѣщены въ „Виз. Вѣстникъ“.

домашнихъ пенатовъ,—однакожь лѣзу въ публику. Я не долженъ, я не хочу, а лѣзу. Странно, не правдали? Но въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего страннаго, если припомните вышеприведенное ожерелье моего кашгарца. Да-съ, противорѣчьемъ, духомъ противорѣчія, сидящимъ въ каждомъ изъ насъ, объясняется многое такое, что, повидимому, необъяснимо. И кто изъ насъ не дѣлаетъ очень часто то, чего онъ не *долженъ* и не *хочетъ* дѣлать?—Иной очень хорошо знаетъ, что онъ не долженъ любить эту женщину, да всѣми силами души своей и не *хочетъ* любить ее, — а любить. Другой вполне убѣжденъ, что ему нѣтъ ни малѣйшей надобности кланяться золотому мѣшку, и не *хочетъ* ему кланяться, зная, что это напрасное, бесполезное униженіе,—а все-таки кланяется, потому что человѣкъ иногда самъ не воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, даже въ такихъ, къ которымъ никто его не принуждаетъ. Словомъ, человѣкъ очень часто глупитъ сознательно, хотя и невольно, что даетъ ему нѣкоторое право на невмѣняемость. Но такъ какъ совершаемыя человѣкомъ невольныя или мимовольныя глупости относятся къ области психіатріи, до которой намъ нѣтъ пока никакого дѣла, то оставляемъ ихъ въ сторонѣ и обращаемся къ тѣмъ глупостямъ и несообразностямъ, до которыхъ намъ, такъ или иначе, есть дѣло.

Кому, напримѣръ, неизвѣстны искреннія и подкрѣпляемыя фактами жалобы на повальное безденежье? Кому онѣ не прожужжали ушей, такъ что онѣ въ разговорѣ уже сдѣлались общимъ мѣстомъ, на которое никто не обращаетъ вниманія, какъ на жалобы одержимаго застарѣлою, хроническою, неиз-

лечимою болѣзною? Стало быть, никто ужъ и не думаетъ сомнѣваться, что денегъ нѣтъ. Но вотъ, на нашихъ глазахъ, въ одномъ городѣ Вильнѣ, въ продолженіи одного года съ небольшимъ, открылись четыре кредитныхъ учрежденія съ основными капиталами, вкладами и текущими счетами, обыкновенными и условными, на сотни тысячъ рублей, такъ что всѣ четыре банка, вмѣстѣ взятые, изображаютъ собою почтенную цифру въ пять-шесть милліоновъ, и эти милліоны, какъ намъ позволено думать, не съ неба же упали, а потекли изъ кармановъ сотенъ смертныхъ, жалующихся на безденежье. Кромѣ того, можно держать пари, что изъ трехъ, встрѣчаемыхъ вами на улицѣ евреевъ, одинъ ужъ вѣрно кредитное учрежденіе, такъ какъ въ послѣднее время нашимъ торговымъ сословіемъ почему-то овладѣла странная и вредная по своимъ послѣдствіямъ склонность—вести торговлю какъ можно тише или же совсѣмъ ликвидировать ее и вырученный чистоганъ пускать въ ростъ съ рискомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Да что торговое сословіе, — даже какой нибудь цирюльникъ, у котораго, мимоходомъ будь сказано, сквернѣйшія бритвы,—и тотъ занимается главнѣе кредитными операціями, и въ этомъ отношеніи онъ брѣшетъ изрядно и сосетъ несравненно лучше своихъ полумертвыхъ півовокъ. Словомъ, куда ни обернешься, вездѣ предлагаютъ тебѣ деньги взаймы, была бы только охота брать съ платою въ будущемъ. Стало быть, деньги—въ изобиліи. Нѣтъ денегъ и въ то же время есть деньги,—одно противорѣчіе.

Далѣе: наши кредитныя учрежденія, въ образѣ ли банковъ и ссудныхъ кассъ, или въ образѣ номиналь-

ныхъ купцовъ, фельдшеровъ и прочихъ разночинцевъ, существуютъ, вѣроятно, не для одного только констатированія факта, что они существуютъ, а чтобы дѣлать операціи, т. е. выдавать ссуды. Стало быть, они увѣрены, что денегъ ни у кого или у огромнаго множества гражданъ нѣтъ. Но такъ какъ они, выдавая ссуды, вѣроятно, надѣются, что получатъ ихъ обратно и даже съ лихвою, стало быть, они, съ другой стороны, убѣждены, что деньги у людей все-таки есть. Увѣрены, что нѣтъ и убѣждены, что есть—противорѣчіе № 2.

Далѣе: знакомымъ съ торговою политикою извѣстно, что банки, банковыя операціи, кредитныя учрежденія, или, говоря яснѣе, торговля деньгами *in natura* есть апогей, послѣднее слово торговли продуктами и всѣми видами производсва. Когда всѣ отрасли торговли и промышленности находятся въ полномъ ходу, тогда въ обществѣ возникаетъ потребность въ кредитѣ, дабы этотъ ходъ не остановился. И въ этомъ отношеніи кредитъ можетъ быть уподобленъ смазкѣ для колесъ, дождю или орошенію для засѣянныхъ полей и пищѣ для живого организма. Если же, однако, водою орошать платье и вообще прилагать разные средства наоборотъ противъ ихъ настоящаго назначенія, то ясно, что изъ этихъ операцій ничего путнаго не выйдетъ, а только напрасно изведете матеріалы. А потому можно принять за аксіому, что торговля всегда предшествуетъ кредиту и вызываетъ его къ бытію, но не наоборотъ, отчего кредитныя учрежденія обыкновенно возникаютъ въ центрахъ живой торговой и промышленной дѣятельности, центрахъ, служащихъ солидными основами для кредита.

По крайней мѣрѣ, такъ искони велось въ коммерческомъ мірѣ до самаго послѣдняго времени.

Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ частностямъ, а именно къ нашему городу, мы, замѣчая возрастаніе въ немъ кредита до небывалыхъ размѣровъ, имѣемъ, кажется, полное право думать, что торговля и промышленность въ немъ кипятъ, что кредитныя учрежденія едва успѣваютъ удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ нашего торговаго сословія, для обширныхъ предпріятій котораго одного кредитнаго учрежденія было-бы недостаточно. А между тѣмъ, кому неизвѣстно, что нашей мѣстной торговлѣ и промышленности не только еще весьма далеко до точки кипѣнія, но ихъ, можно сказать, вовсе нѣтъ? Есть торгашество, есть мелочной торгъ, но торговли нѣтъ. Наши купцы такъ мелко плаваютъ, что весь ихъ годовой балансъ достоинъ смѣха. О мѣстномъ же производствѣ и говорить ничего: мы даже порядочныхъ спичекъ и чернилъ мѣстнаго производства не имѣемъ, а пробавляемся даже въ этомъ отношеніи ввозными фабрикатами. Что же касается тѣхъ производствъ, которыя мы рѣшились производить сами, каковы, на примѣръ, сигары, папіросы, гильзы, перчатки, бѣлье, обувь и прочее, то они такъ плохи, что къ нимъ прибѣгаютъ только въ крайней нуждѣ. А такъ какъ въ наше время «желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ» крайняя нужда можетъ быть очень быстро удовлетворена, то наши вышеупомянутыя мѣстныя производства, одно за другимъ, уступаютъ мѣсто производствамъ ввознымъ. Такъ, на примѣръ, варшавская обувь почти уже совершенно вытѣснила обувь мѣстнаго приготовленія, такъ что наши сапожные

мастера, одинъ за другимъ, закрываютъ свои мастерскія и открываютъ магазины съ готовою варшавскою обувью. Такъ будетъ, вѣроятно, и со всеми прочими производствами. И это потому, что у нашихъ производителей не хватаетъ ни умѣнья, ни смѣлости выбиться изъ патріархальности кустарнаго производства, всегда страдающаго безвкусіемъ и аляповатостью. Все, что они дѣлаютъ изъ кредита, открытаго имъ на всѣхъ перекресткахъ, это—болѣе видныя вывѣски надъ дверьми и цѣльныя стекла въ выставочныхъ окнахъ своихъ мастерскихъ.—То же самое можно сказать и о нашихъ торговцахъ, мизерныя лавочки которыхъ *наружно* превратились въ *магазины* съ болѣшими или меньшими претензіями на шикъ. Но суть дѣла отъ этого нисколько не перемѣнилась: какъ прежде торговля спала въ мизерныхъ лавочкахъ, такъ она теперь спитъ въ шикарничающихъ магазинахъ. Да она никогда и не пробудится, будучи уже слишкомъ придавлена невѣроятною конкуренціею, по которой на одинъ спросъ является десять предложений, одно другого хуже. Пусть поэтому судятъ, на сколько кредитъ, даже самый либеральный, въ состояніи оживлять то, что самою сущностью вещей осуждено на полумертвое прозябаніе, и на сколько онъ самъ можетъ жить на счетъ такой торговли. И такъ, торговля спитъ, а кредитъ бодрствуетъ,—противорѣчіе № 3.

Но этими тремя нумерами, конечно, далеко еще неисчерпывается списокъ противорѣчій, на которыя нерѣдко натывается наблюдатель даже самый скромный. Выставляю только еще одинъ нумеръ.

Когда торговецъ Шмуль и торговецъ Ицка при-

ходятъ въ банкъ за ссудою, предлагая въ обезпеченіе свои соло-векселя, то банкъ, должно быть, на основаніи наведенныхъ справокъ, отказываетъ имъ въ ссудѣ, т. е. не довѣряетъ имъ. Очень хорошо. Но, когда тотъ же Шмуль представляетъ свой же вексель, только акцептованный тѣмъ же Ицкой, или-же, когда тотъ-же Ицка представляетъ свой же вексель, только акцептованный тѣмъ же Шмулемъ, тогда банкъ вдругъ преисполняется великимъ довѣріемъ и къ Шмулю, и къ Ицкѣ и выдаетъ ссуду. Это на банковомъ языкѣ называется *учетомъ векселей*. Я, вообще говоря, противъ техническихъ словъ и выраженій ничего не имѣю: не я ихъ выдумалъ, не я за нихъ и отвѣчать буду. Подобно тому, какъ не я выдумалъ пресловутый, въ блестящее время второй Французской имперіи, *Crédit mobilier*, я не выдумывалъ и свирѣпствующаго теперь на разныхъ пунктахъ Россійской имперіи учета векселей; стало быть, могу надѣяться, что подобно тому, какъ никто не обвинялъ меня за катастрофу съ *Crédit mobilier*, я, должно быть, останусь въ сторонѣ, если—Боже упаси—что нибудь случится и съ учетомъ у насъ векселей. Однакожъ, для любопытства, позволяю себѣ ставить такой вопросъ: путемъ какихъ логическихъ соображеній банки дошли до того оригинальнаго умозаключенія, что, хотя Шмуль и Ицка, взятые каждый порознь, и не выдерживаютъ финансовой критики, но взятые вмѣстѣ — они вдругъ становятся выше всякой критики? Неужели потому, что въ первомъ случаѣ они стоятъ къ банку фронтомъ, а во второмъ — гуськомъ, одинъ за спиною другого? На чемъ же, однако, основано вышеупомянутое умозаключеніе банка? Не на томъ-ли алгебраическомъ

правилѣ, по которому *минусъ* на *минусъ* даетъ *плюсъ*? Но вѣдь это правило, сколько намъ извѣстно, къ именованнымъ числамъ непримѣнимо, какъ явствуетъ изъ слѣдующей формулы: — 5 ф. чаю + — 5 п. сахару = 0 ф. чаю + 0 п. сахару. Слѣдовательно, если капиталъ Шмуля изображаетъ собою цифру 0, и капиталъ Ицки изображаетъ ту же цифру, то, сложивъ эти капиталы вмѣстѣ, получимъ два нуля, что и требовалось доказать.

Частный же результатъ банковаго правила, по которому Шмуть и Ицка, каждый самъ по себѣ, ничто, но, соединившись вмѣстѣ, будто изображаютъ собою нѣчто, можетъ быть изображенъ въ слѣдующемъ видѣ.

Если Шмуть и Ицка надѣлены отъ природы хоть нѣкоторою долею фантазіи, то имъ, получившимъ изъ банка порядочный, по ихъ понятіямъ, кушъ, черезъ посредство своихъ, въ сущности ничего нестоящихъ, векселей, взаимно акцептованныхъ ими, совсѣмъ не трудно вообразить себѣ, что они, такъ сказать, разжились трудами рукъ своихъ, стало быть, имъ подобаетъ жить, какъ слѣдуетъ жить скоропостижно разбогатѣвшимъ. Правда, у нихъ за спиною всегда торчитъ *memento mori* въ образѣ *срока*, но вѣдь... на что же банки и учетъ векселей? Въ одномъ взялъ, другому отдалъ и т. д. Когда же кругъ кредитныхъ станцій и полустанцій будетъ обойденъ весь, тогда вѣдь можно прибѣгнуть къ кредитнымъ учрежденіямъ ходячимъ, которыхъ въ каждомъ городѣ бездна и которыя не могутъ же отказывать въ кредитѣ такимъ лицамъ, векселя коихъ учитываются правильно-организованными банками. Словомъ, перспектива для людей съ нѣкоторою силою воображе-

ня—блестищан. И,—скажу вамъ на ухо—приведенный мною примѣръ не есть одно только пессимистическое предположеніе, а фактъ, понемногу осуществляющійся, такъ что можно сказать, что мы стоимъ теперь у колыбели вновь народившагося у насъ типа людей—банковыхъ заемщиковъ. Сей младенецъ находится еще въ пеленахъ, а потому не обращаетъ на себя ничьего вниманія; но когда онъ вырастетъ и войдетъ въ силу, тогда...

Но зачѣмъ забѣгать впередъ? Не хочу мѣшать добрымъ людямъ учитывать векселя, и пусть добрые люди не мѣшаютъ мнѣ ставить точку — впредь до слѣдующей бесѣды.

II.

ОТСУТСТВИЕ СРЕДИНЫ ИЛИ БАНКОМАНІЯ.

Между четырьмя классическими книгами, обоготворяемыми китайцами и приписываемыми ими своему великому Конфуцію и его ученикамъ, есть одна, которая озаглавлена «Чунгъ-Юнгъ», т. е. незыблемость въ срединѣ. Въ предположеніи, что не всякій изъ моихъ согражданъ имѣетъ возможность и досугъ заниматься литературой нашихъ добрыхъ производителей чая, считаю не лишнимъ привести здѣсь небольшую выдержку изъ вышеупомянутой книги.

Въ самыхъ первыхъ главахъ Чунгъ-Юнга читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

«До возникновенія въ душѣ чувствъ радости, удовольствія, гнѣва, печали,—состояніе, въ которомъ человѣкъ тогда находится, называется *срединою* (чунгъ). Когда-же оныя, разъ въ душѣ возникнувъ, достигли лишь извѣстной точки,—состояніе, въ которомъ человѣкъ тогда находится, называется *гармоническимъ*. *Средина* есть великій, основной базисъ міра, а *гармонія*—его всеобщій и незыблемый законъ. Когда *средина* и *гармонія* достигаютъ точки совершенства, тогда небо и земля находятся въ состояніи совершеннаго спокойствія и всѣ существа достигаютъ своего полнаго развитія.—Человѣкъ возвышенной нравственности пребываетъ, безъ сомнѣнія, незыблемо въ срединѣ; черезъ